

ДАНИИЛ ПАНКОВ

МЬЮИТ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Герои Космоса

Даниил Панков

Мьюит

«Автор»

2026

Панков Д. В.

Мьюит / Д. В. Панков — «Автор», 2026 — (Герои Космоса)

«Мьюит» это третья книга из саги «Герои Космоса», Продолжение основной истории «Альгения». Конфедерация — безжалостная галактическая диктатура. Потеряв семью, юный Дэн попадает в суровую мясорубку кадетского корпуса. Дружба с Вальтером и Лизой помогает ему выжить и стать элитным пилотом. Но система не щадит своих. Коррумпированные генералы Конфедерации, тайно продающие оружие пиратам, отправляют эскадрилью Дэна на верную смерть ради сокрытия преступлений. Искалеченный пилот теряет любимую, но чудом выживает. Выкупив списанный крейсер, Дэн превращает его в идеальный корабль-призрак «Джоли». Он начинает тайную войну: перехватывает теневые грузы и спасает тех, кого система бросила умирать. «Любую вещь во Вселенной можно починить. Кроме совести». Одиночка бросает вызов гигантской прогнившей машине, чтобы заставить ее заплатить по счетам

© Панков Д. В., 2026

© Автор, 2026

Даниил Панков

Мьюит

Отец не смог сигануть в спасительное пространство между отсеками, просто не хватило времени.

В темноте заблокированного отсека удушливо пахло раскаленным пластиком, горелой проводкой и жидким азотом. Семилетний Дэн висел в кресле безопасности, намертво зажатый жесткими ремнями. Сквозь толстое смотровое стекло аварийной перегородки он видел соседний пассажирский модуль. Там в багровом свете аварийных ламп кричала его мать, прижимая ладони к стеклу и беззвучно шевеля губами.

За несколько мгновений до старта он видел в полуоткрытом люке технического отсека какого-то серого человека в серой одежде. В его руках тускло что-то блеснуло, он что-то отломал, какую-то трубку и отрезал провод. Дэн уже хотел об этом рассказать папе, но в этот момент в его сне всегда раздавался оглушительный скрежет рвущегося корпуса корабля.

Дэн с криком проснулся, рывком сев на кровати. Его колотила крупная дрожь.

Он сбросил одеяло и босиком выбежал из своей комнаты. В просторном кабинете деда на первом этаже горел теплый, желтоватый свет. Пахло трубочным табаком, старой бумагой и чем-то ещё, запах который ему всегда был по душе — канифолью.

Дед Джон сидел за массивным дубовым столом, заваленным пожелтевшими архивными бумагами и тяжелыми книгами в потрескавшихся кожаных переплетах. Но сейчас перед ним лежал не древний фолиант, а разобранный корпус старого радиоприемника.

Старик поднял голову, мягко посмотрел на взъерошенного внука сквозь стекла очков и протянул к нему сухие, теплые руки.

— Опять этот сон, Дэнни? — негромко спросил дед.

Дэн молча кивнул, подошел ближе и уткнулся лбом в его плечо.

— Я видел их, деда... маму и папу, они умерли, и я опять видел того серого человека, — глухо прошептал мальчик. — Я видел, как он резал кабели. Но я никак не могу вспомнить его лицо. Почему?

Дед медленно погладил его по светлой макушке, тяжело вздохнув:

— Мозг у нас так устроен, малыш, он забывает плохое и помнит хорошее, чтобы мы не сошли с ума! — Старик придвинул к себе плату радиоприемника и взял в руку паяльник. — Садись рядом. Держи пинцет, — скомандовал дед.

Дэн шмыгнул носом, но послушно взял холодный металлический инструмент.

— Наше сознание устроено очень мудро, как самый сложный механизм, — тихо заговорил старик, касаясь жалом паяльника медного контакта. — Разум блокирует самое страшное, закрывая эти воспоминания на глубокие замки. Он защищает тебя, пока ты еще маленький и хрупкий. Это как предохранитель в этой цепи: если напряжение слишком велико, он перегорает, чтобы не дать сгореть всей системе. Мозг бережет твою душу от этого яда. Но когда ты вырастешь и окрепнешь — твой разум сам откроет эти замки и покажет тебе всё.

Дед Джон аккуратно спаял разорванный провод.

— А пока ты растешь, тебе нужно учиться понимать, как всё устроено. Есть мнение, что у наших предков всё было устроено по-другому, немного не так, как сейчас, но в общем очень похоже. И я тебе расскажу, хочешь послушать?

— Да, деда, очень!

— Всё в жизни наших далёких предков гармонировало с природой, с её циклами и, конечно, с космосом. Их час делился на сто сорок четыре Части, но это были не минуты и

секунды. Это сиги, миги, мгновения и другие единицы, которые складывались в круги жизни и круги лет.

— Почему так, деда?

— Как ты думаешь, мой мальчик, что постоянно во Вселенной? Что не меняется никогда, ну почти никогда?

— Наша Земля?

— Нет. Свет, хоть от этой лампы, — дед показал паяльником на настольную лампу, — хоть от солнышка. Вернее, скорость света! Свет во всех уголках Вселенной пролетает 1 метр расстояния за 1 сиг. За 1 мгновение свет пролетает примерно 121 километр, на этой высоте начинается заметное орбитальное торможение — это квантовый барьер Земли.

— Деда, а круг жизни — это откуда до куда?

— За это время, дружок, свет пролетает 1,37 квадриллиона километров. На таком расстоянии от нас в созвездии Тельца находится знаменитое звездное скопление Гиады. Есть мнение, что сюда мы пришли именно оттуда.

— Деда, а Круг Лет — это сколько свет пролетит за лето?

— Нет, не за лето, за круг лет, но ты почти угадал. За 1 Круг Лет свет пролетает почти 153 триллиона километров, за это время долетит точно до системы тройной звезды 40 Эридана, знаешь такую?

— Да, Омикрон. Мне из них трёх больше нравится Кеид Б, он как вот эта капля.

Дэн завороченно смотрел на блестящую каплю остывающего припоя.

— Зачем ты чинишь это старье, деда? — спросил он, вытирая слезы рукавом. — Можно же просто заказать новый.

Дед Джон отложил инструмент и посмотрел Дэну прямо в глаза. Взгляд старика был удивительно ясным и пронзительным.

— Запомни одну вещь, Дэнни. Пока человек умеет что-то делать своими руками — он свободен. И еще одно. Любую вещь в этой Вселенной можно починить. Кроме совести.

Через час небо за окном начало светлеть, окрашиваясь в нежно-персиковые тона. Дед поднялся из-за стола, взял Дэна за руку и вывел его на деревянную веранду. На горизонте, пробивая утреннюю дымку степного Канзаса, медленно поднимался край огромного огненного диска.

— Ну-ка, Дэнни, плечи расправь, — скомандовал дед, останавливаясь у перил веранды. — Смотри на ярило сквозь ресницы. Смотри на самое солнце, пока слеза не покатится. Тренируй очи.

Дэн зажмурился, а затем приоткрыл глаза, всматриваясь в утреннее светило сквозь густую сетку ресниц. Вначале красный диск, показавшийся только что из-за горизонта, не слепил, а наоборот притягивал взгляд, прорезая первыми лучами туман над полем и ручьем. Глаза по привычке, и он распахнул их. Встающее солнце предстало во всей красе, на миг ему показалось, что он видит даже корону, гигантские протуберанцы и пятна на солнце. Но солнце уже показалось больше чем на половину, и глаза закололо, по щекам побежали теплые, чистые слезы. Но он упрямо продолжал смотреть вперед, чувствуя, как солнечный свет буквально выжигает из его сознания остатки ночной гари и страха.

— Вот так, — ласково произнес старик, кладя тяжелую ладонь на его плечо. — Тот, кто научится смотреть прямо на солнце сквозь слезы, Дэнни, никогда не испугается слепящего обмана. Ты будешь видеть дальше ястреба, и никакая ложь во Вселенной не сможет укрыться от твоих глаз.

Мальчик улыбнулся, вытирая мокрые щеки рукавом. Наступал новый день.

Вишня в то лето уродилась тяжелой, ароматной и почти черной. Она густо усыпала всё дерево; было так вкусно срывать её горстями прямо с веток и отправлять в рот. Её сладкий, липкий сок пачкал ладони Дэна, въедался под ногти и оставлял темные следы на его майке.

Дед специально, с огромной заботой выращивал эти вишневые заросли по периметру их огромного участка. Вокруг, за пределами этой живой ограды, бурлил дорогой пригород, застроенный домами таких же состоятельных людей — ученых, банкиров и владельцев крупного бизнеса. Но деду хотелось уединения, как в старые добрые времена. Да и где сейчас, при таком диком перенаселении планет Конфедерации, найдешь настоящий покой? Только здесь, за глухой стеной из вишнёвых деревьев.

Для Дэна эти вишневые заросли в самом дальнем краю сада были излюбленным местом игр. И когда он бежал по узкой, протоптанной тропинке от сада к дому, чтобы похвастаться перед дедом этой невероятной добычей, он так торопился, что споткнулся о корень и чуть не полетел кубарем в траву.

Солнце стояло в самом зените, плавая воздух над крышами.

Дэн взлетел на деревянные ступени веранды, бережно неся в подоле майки драгоценную, сочную вишню.

— Деда! Смотри, какие крупные! — звонко крикнул он, запыхавшись от бега.

Дед сидел в своем любимом плетеном кресле, склонив голову на грудь. Его бумажная книга лежала на коленях, лениво покачиваясь от набегающего сквозняка.

Дэн бережно высыпал ягоды на тарелку, стоявшую на столике веранды (парочка упала и с глухим стуком покатилась по сухим сосновым доскам) и подошел ближе.

— Деда, ты спишь, что ли? — Его детские пальцы осторожно коснулись шершавой ладони старика. Рука деда была неестественно сухой и пугающе прохладной, несмотря на плавающий от жары полдень.

— Деда... вставай, — тихо прошептал мальчик, чувствуя, как внутри зарождается липкий, холодный страх. — Хватит спать. Пойдем обедать.

Он потянул деда за рукав. — Деда... ну проснись, — снова прошептал он, и холодный страх внутри зашевелился сильнее. — Это не смешно. Я больше не буду убегать в сад без спроса. Я выучил те узлы, честно! Проснись... Деда, мне страшно, деда, не пугай меня!

Он снова потянул старика за рукав. Рука безжизненно соскользнула с подлокотника и глухо повисла вдоль кресла. Этот звук словно обрушил весь мир вокруг. Дэн упал на колени, судорожно вцепившись в колючие шерстяные брюки деда, и принялся изо всех сил трясти его за плечи. Но тело деда лишь безвольно качалось в такт его толчкам.

— Деда, вставай! Что мне сделать?! — закричал он, и его тонкий, сорванный голос мгновенно затерялся в тишине их огромного сада. — Ну пожалуйста, открой глаза!

Но дед молчал. Его бледное лицо оставалось абсолютно чужим. И тогда детское отчаяние, смешавшись с невыносимой, жгучей обидой и страшной догадкой, прорвалось безумным, истерическим криком.

Дэн резко отпрянул, размазывая по лицу слезы и грязь от раздавленных вишен.

— Ты тоже предаешь меня! — исступленно заорал он прямо в неподвижное лицо старика, задыхаясь от рвущихся наружу рыданий. — Ты предатель! Вы все предатели! Вы меня бросили!

Он в ярости ударил кулаком по деревянному подлокотнику, сбивая кожу на пальцах.

— Ты обещал, что будешь со мной! А теперь просто молчишь! Ты как мама и папа! Они ушли, сгорели там и оставили меня одного! И ты теперь делаешь то же самое! Зачем вы все меня бросаете?! Что я сделал?! Я ненавижу вас! Слышите?! Ненавижу!

Он без сил рухнул на жесткий деревянный пол веранды, сжавшись в крошечный комочек. Его плечи судорожно вздрагивали, а из горла вырывались тихие, хриплые всхлипы.

Дэн не знал, что ровно в тринадцать часов сорок минут по общемировому времени под левой клавишей Джона Мьюита коротко пискнул подкожный датчик телеметрии. Квантовый чип Конфедерации зафиксировал остановку сердца и отправил автоматический пакет данных на центральный пульт мониторинга сектора.

Там, в залитой стерильным белым неонem диспетчерской, дежурный врач лениво скользнул взглядом по мигнувшей оранжевой строчке. На экране светилось: «МЬЮИТ, ДЖОН. 92 ГОДА. ТЕРМИНАЛЬНЫЙ СТАТУС. АДРЕС: СЕКТОР К-4, УЛИЦА КЕДРОВАЯ, Д. 12».

Врач даже не убрал ноги с подставки. Обычный старик из пригорода, хоть и состоятельного. Мозговая активность на нуле. Он буднично пометил файл серым маркером «Ожидание транспортировки» и решил вызвать труповозку позже, не спеша. Система работала безупречно.

Спустя несколько часов тишину Кедровой улицы разорвал тяжелый, скучный гул тормозных дюз. Прямо перед изящным забором опустился серый санитарный фургон, а следом за ним мягко приземлился глайдер социальной службы Конфедерации.

Двое санитаров в стерильных комбинезонах деловито зашагали по дорожке, толкая перед собой бесшумную магнитную каталку. Один из них тяжело поднялся на веранду. Его прорезиненный ботинок наступил прямо на рассыпавшуюся по полу спелую вишню, с влажным треском раздавив ягоду и размазав темный, сладкий сок по кедровым доскам.

Санитар равнодушно, словно переставляя неодушевленный предмет, отодвинул рыдающего Дэна в сторону и накинул на тело Джона Мьюита серую пластиковую простыню.

— Эй! Не трогайте его! — Дэн яростно бросился на них, но санитар заблокировал его широким плечом.

— Отошел, малый. Мы просто выполняем протокол утилизации, — глухо донеслось из-под маски.

В этот момент к мальчику подошла женщина-инспектор в сопровождении амбала. На них были безупречно отутюженные серые мундиры Конфедерации. Её пальцы, обтянутые тонкой кожей перчаток, мертвой хваткой сомкнулись на плече Дэна.

— Дэниэл Мьюит, — ровным, безликим алгоритмическим голосом произнесла она, сверяясь с планшетом. — Согласно единому реестру Конфедерации, твой единственный законный представитель мертв. Ты переходишь под прямую опеку государства. Проследуй в транспорт.

— Нет! Я никуда не пойду! — Дэн в панике рванулся назад. — Это мой дом, не трогай меня!

Но амбал-сопровождающий перехватил его. Мальчишка бился в его огромных ручищах, кусался и пинал ногами, но для системы он был лишь досадной помехой — статистической единицей, которую нужно было переместить из точки А в точку Б.

Дэн отчаянно вцепился обеими руками в деревянные перила веранды. Он сбивал ногти в кровь, оставляя на краске рваные красные полосы — то ли от сока раздавленной вишни, то ли от собственной крови, всё смешалось. Но безжалостные руки с легкостью оторвали его от перил.

Его волокли по дорожке к серому глайдеру. Ни один сосед не вышел на улицу вступить за сироту. Лишь в окне дома напротив на секунду дрогнула штора — кто-то лениво посмотрел на очередную плановую процедуру изъятия и тут же вернулся к своему терминалу.

Дэна грубо зашвырнули внутрь. Герметичная дверь социального глайдера Конфедерации захлопнулась с глухим вздохом пневматики. Внутри было темно и холодно, пахло какой-то химией.

Глайдер плавно поднялся в небо, навсегда унося его прочь от вишневого сада — навстречу серым стенам кадетского корпуса. Детство закончилось.

Он как-то сразу стал взрослым в ту самую секунду, когда тяжелая герметичная дверь социального глайдера захлопнулась с глухим вздохом пневматики. Он замолк и не проронил ни слова за всю дорогу в третий сектор кадетского корпуса Конфедерации.

Он сидел в кресле приемного отделения, тупо глядя перед собой, пока курсант старшего курса состригал его светлые локоны жужжащей машинкой. Дэн не сопротивлялся и даже не плакал — слез просто не осталось после трех часов отчаянного крика у колен мертвого деда. Он лишь молча смотрел на свои руки. На ногтях подсохла темная корка — всё, что осталось от его попытки удержаться за теплые деревянные перила веранды, об которые он сбивал пальцы в кровь, когда служащие опеки силой отрывали его от родного дома.

Кубрик распределения встретил его и еще пятерых мальчишек, одинаково остриженных до синевы и одетых в мешковатые серые куртки из дешевой синтетики, тяжелым, удушливым запахом. Это была резкая, выедающая глаза хлорка из галюнов, душок ружейной смазки и приторная, густая вонь половой мастики, которой кадеты ежедневно натирали пол кубриков до зеркального блеска. Холодный сквозняк из приоткрытых металлических фрамуг не спасал от этой химической взвеси, а лишь гонял её по углам, на время выветривая этот жуткий запах.

На центральном проходе их уже ждали трое старожилов — кадеты второго года обучения. Один из них лениво сидел на табурете, преграждая путь и вертя в пальцах жёсткий кожаный уставной ремень с острой латунной пряжкой.

— Ну что, ржавчина, прибыли? — негромко спросил он, оценивая новичков холодным взглядом. — Правила простые. Всё, что принесли с собой из гражданского сектора — личные жетоны, чипы, конфеты, безделушки — выкладываем на этот стол. Быстро. Кто зажмет — будет спать на голом железе и чистить галюны до выпуска.

Четверо мальчишек, пришедших с Дэном, сломались мгновенно. Они испуганно переглянулись и начали лихорадочно потрошить карманы, выгребая копеечные ценности и подбостранно заглядывая старожилам в глаза, готовые пресмыкаться, лишь бы их не тронули.

Дэн не двинулся с места. Его руки были глубоко засунуты в карманы мешковатой куртки. Разбитые ногти мучительно ныли, напоминая о теплом дереве веранды.

Рядом так же неподвижно стоял пятый, незнакомый мальчишка. Он был самым щуплым во взводе: тонкая шея сиротливо торчала из широкого воротника казенной робы, острые лопатки выпирали сквозь дешевую ткань, а на бледном лице огромными казались темные, упрямо прищуренные глаза.

Старший кадет медленно поднялся с табурета, перехватив ремень поудобнее. Тяжелая пряжка тускло блеснула в полумраке кубрика. Он шагнул к щуплому.

— А ты чего замер, крысеныш? Карман заклинило?

— У меня ничего нет, — глухо, но отчетливо ответил мальчик.

— Да неужели? — старшекурсник бесцеремонно дернул его за руку.

Из широкого рукава показалось тонкое, исцарапанное запястье. На нем была повязана грязная, засаленная конопляная бечевка с тугим, замысловатым утолщением посередине.

— Опа. А это что за мусор? Снимай.

— Не сниму, — тихо произнес щуплый. В голосе этого заморыша не было ни капли страха — только глухое, каменное упрямство. — Это мамино.

— Здесь нет твоей мамы, ржавчина! Сюда иди!

Кадет с силой рванул парня за плечо, но щуплый извернулся и намертво вцепился зубами в ладонь обидчика. Раздался яростный вопль, последовал удар ремня наотмашь. Мальчишка отлетел на бетонный пол, но тут же попытался подняться, размазывая кровь из разбитого носа по подбородку. Его пальцы судорожно прижимали бечевку к запястью.

В голове Дэна жарким огнем вспыхнули уроки деда о том, что нужно беречь каждую живую ниточку. Но вместо холодного расчета в нем разыгралась наивная мальчишеская самонадеянность. Ему казалось, что он легко раскидает этих троих.

Дэн самоуверенно шагнул вперед, загораживая упавшего, и с размаху толкнул старшего кадета в грудь.

— Оставь его, — дерзко процедил он, искренне ожидая, что обидчики испугаются его напора и отступят.

Но реальность оказалась безжалостной, мгновенно разбив его иллюзии о собственном геройстве. Через секунду на них навалились все трое. Грубая масса второкурсников легко смяла его неподготовленное сопротивление.

Их били долго, методично и со знанием дела — так, чтобы не оставлять крупных синяков под казенной формой, но отбить все внутренности.

Четверо их бывших попутчиков стояли в углу у тумбочек, испуганно вжав головы в плечи и усердно делая вид, что ничего не происходит. Они уже сделали свой выбор.

Когда старшие перестали пинать их ногами, Дэн и щуплый оказались на соседних койках в самом холодном углу кубрика, прямо под открытой металлической фрамугой.

Дэн лежал на животе, уткнувшись лицом в жесткий матрас, который пах сыростью и хлоркой. Спина горела от ударов тяжелой пряжкой, разбитые на веранде пальцы мучительно ныли. На кубрик медленно опускались холодные синие сумерки. Через открытую фрамугу доносился горьковатый запах стартовых полей за бетонным периметром.

Соседняя койка тихо скрипнула. Щуплый сидел на краю, поджав под себя худые ноги. Он не плакал. Он зализывал содранную кожу на запястье, проверяя, цел ли его грязный шнурок.

— Спасибо, — тихо бросил он, не глядя на Мьюита. — Я Дэн.

— Как? — ответил Мьюит, с трудом переворачиваясь на бок и не скрывая лёгкого удивления.

— Дэниэл Вальтер моё имя, — сказал щуплый.

— Хм. Дэниэл Мьюит — зовут меня. Прикольно, оба Дэны и оба борзые!

Они переглянулись в полумраке и оба хихикнули. Одинаковые имена. Одинаковый возраст. Две израненные души, брошенные в одну серую государственную мясорубку.

Мьюит прищурился, вглядываясь в серые сумерки кубрика, и посмотрел на руку тезки. Грязная бечевка на запястье Вальтера была завязана не просто так. Три петли огибали центральный узел, перекрещиваясь под прямым углом.

— Откуда у тебя это? — негромко спросил Мьюит.

Вальтер вздрогнул и испуганно прижал руку к груди.

— Тебе-то что?

— Это науз, — тихо произнес Мьюит, глядя в потолок кубрика. — Оберег. Мой дед показывал мне такие в Канзасе. Он говорил, что это древний узел «путник». Он держит пространство, чтобы узор судьбы не расползлся.

Вальтер долго молчал. В полумраке казармы было слышно только, как сопят сонные курсанты, ворочаясь на шконках, и монотонно гудит вентиляция. Наконец, он медленно опустил руку и протянул запястье ближе к Мьюиту.

— Мама завязала его на космодроме, перед тем как её отправили в сектор Медузы, — глухо прошептал Вальтер. — Сказала: пока узел цел — мы встретимся. Они пытались его срезать три раза в распределителе. Я не дал. — Щуплый показал громадный синяк на ключице под фланкой. — За что получил от сержанта. Но не дал и не дам.

Мьюит посмотрел на тонкую конопляную нить, связывающую этого избитого, щуплого мальчишку. В этот момент Дэн понял, что дед был прав. Золотая ниточка его собственного детства не оборвалась окончательно — она просто потянулась к другой такой же израненной душе.

— Они его не срежут, Дэн, — твердо сказал Мьюит, вытягивая руку и аккуратно касаясь кончиками пальцев жесткого узла. — Не посмеют. Хочешь, научу тебя другим узлам? Ты знаешь, что при их помощи можно шифровать целые послания. Любой секрет можно спрятать в петлях, и ни один из старших не сможет его прочесть. Это может стать нашим тайным языком.

Глаза Вальтера удивленно расширились в темноте.

— Что, правда? Класс, конечно, хочу. А ты откуда знаешь?

— Меня дед научил, он историк, он столько всего знает... знал, — осекся Дэн.

Чтобы заглушить ноющую боль в отбитых боках и поддержать дрожащего Вальтера, Мьюит начал шепотом рассказывать ему о своей жизни в Канзасе: о нагретой солнцем деревянной веранде, запахе сосновых досок на полу веранды под облупившимся лаком и спелой черной вишне в саду, сок которой так трудно отстирать. О том, как здорово там, как он бежит на речку втайне от деда, и как дед оставляет ему послания в узелках, когда уходит по делам... оставлял.

Вальтер слушал, затаив дыхание, будто заучивал каждую деталь. Представляя, что эта вишня станет не только Мьюита, но и его. А сейчас она стала единственной спасительной сказкой на ночь, и сон сковал их уставшие глаза.

Утро в кадетском корпусе Конфедерации начиналось не с имени, а с номера.

— Кадет 4-02-22, выйти из строя! — лаял взводный, и очередной обритый наголо мальчишка покорно вышагивал вперед, сливаясь с серой массой точно таких же безликих фигурок в казенной робе.

Здесь не было ни личностей, ни прошлого. Их день состоял из изматывающей муштры на плацу до кровавых мозолей и отдраивания пропахших хлоркой галюнов. Любой вопрос к старшему по званию или попытка поднять взгляд карались нарядом вне очереди, а то и ледяным карцером. Корпус методично, день за днем, отучал их думать, требуя лишь одного — слепого, беспрекословного выполнения команд.

Большинство новичков быстро ломались. Они покорно выворачивали карманы перед «старшаками», вжимали головы в плечи, прятали глаза и навсегда становились послушными, стандартными винтиками гигантского механизма. Конфедерация... А значит, у него точно есть слабые звенья. Чтобы выжить и не дать себя сломать, Дэну нужны были свои тайные хитрости.

Два Дэна, Мьюит и Вальтер, стали неразлучной парочкой, как прутья в венике: поодиночке сломать можно, но в пучке не получится. Они поняли это с первого же дня и держались вместе. Теперь их начали называть «Дэн-старший» — это был Мьюит, и «Дэн-младший» — Вальтер. Или просто: Старший и Младший. Парни ни к кому не лезли, в друзья не набивались, но жесткие внутренние стержни их характеров при внешней шуплости и слабости начали вызывать у сокурсников невольное уважение.

Одержимость Младшего материнским узелком на запястье вскоре переросла в нечто большее. По ночам, когда дежурный офицер выключал основной свет и кубрик погружался в синие сумерки, под нижней шконкой начинал работать их собственный тайный учебный класс.

Сначала материалом служили обрывки медных жил, которые Старший виртуозно выковыривал из списанных пультов в ремонтном блоке. Мьюит переводил бинарную логику Конфедерации в физическую геометрию праславянских наузов, а Вальтер вязал их на проводах. Двойная петля — опасность. Прямой узел — подтверждение. Это был их первый осязаемый тайный язык.

Но на этом уроки не заканчивались. Старший показывал и рассказывал Младшему всё, чему успел научиться от деда. В свою очередь, Младший оказался весьма увлечённым и продвинутым тактиком и рассказывал Старшему про то, что вычитал в казенной библиотеке: о тактических приёмах, о том, как заманивать противника в ловушки и малыми силами одерживать верх.

Старший слушал его, раскрыв рот.

— Дэн, как ты всё это запомнил? Ты так рассказываешь, как будто интересный детектив прочитал. Я вот не могу читать учебник по тактике, я от него засыпаю!

— Да я просто представляю, что мы играем в игру, в шахматы! А мы с тобой пешки, и нам нужно пройти в ферзи! — шепотом, с горящими глазами отвечал Вальтер.

— А что такое шухмуты?

— Да не шухмуты, а шахматы! От древних слов «Шах» и «Мат», что означает угроза нападения и победа!

— Ух ты... А меня научишь? Ты откуда узнал про такую игру?

— Меня мама научила! — голос Младшего наполнился гордостью. — У нас в доме почти ничего не было, только кровать и шкаф. Однажды она принесла откуда-то полуразвалившийся столик со странным рисунком на столешнице. Она его подклеила, отремонтировала, и мы за ним ели. А потом мама рассказала, что это не просто столик, а целая тактическая карта, и на ней можно сражаться!

— Вот класс, нарисуешь тактическую карту?

Так, кроме всего прочего, в их жизни появились шахматы. Доску они нарисовали на обратной стороне тактического планшета, а фигурки слепили из серого казенного хлеба. Прятали их в наволочках подушек, и при внезапном шмоне, устраиваемом «старшаками» — как они называли курсантов-старшекурсников, — они их просто съедали, чтобы не выдать свою маленькую тайну.

Прячась под колючими одеялами, мальчишки разыгрывали хлебными фигурками базовые тактики пустотного боя. Старший жадно впитывал непреложное правило выживания: фигуры всегда прикрывают друг друга. И они сами стали такими фигурами на доске кадетского корпуса. Оба показывали значительные успехи на уроках рукопашного боя, но, вплетая в него элементы стратегии шахмат, эта парочка становилась непобедимой и на татами, и на бетонном полу казармы.

Теорию пришлось проверять на практике промозглым вечером в гулком коридоре, ведущем к прачечной.

Свет здесь мигал из-за нестабильного напряжения, а по бетонным стенам змеились трубы различных систем здания. Путь им преградили трое старшаков — те самые, что избили их в первый день. Старший лениво наматывал на кулак кожаный уставной ремень с тяжелой латунной пряжкой. Они не прощали новичкам независимости.

Старший мгновенно оценил архитектуру пространства. Три активных цели против двух. Вектор атаки прямой. Если их возьмут в кольцо и собьют с ног — партия проиграна. В этот момент в его памяти вспыхнули хлебные фигурки на их расчерченном планшете. С точки зрения тактики ведения боя Конфедерации, шуплый Вальтер был балластом. Но для Мьюита он был незаменимой фигурой их общего построения.

— Дэн! — резко скомандовал Старший, не отрывая взгляда от блестящей пряжки. — Прикрывай тыл, лётная тактика, громко сообщай о том, что сзади! Базовое построение, спина к спине!

Вальтер отреагировал без единой секунды задержки. Мальчишка скользнул за спину Старшего, плотно прижавшись лопатками к его лопаткам. Их общая площадь секторов обзора стала 360 градусов. Они приготовились к бою, встав в глухую круговую оборону.

— Мой сектор — сто восемьдесят. Держи свой! — крикнул Старший, принимая боевую стойку.

— Сектор сто восемьдесят чист! — звонко, без капли страха отозвался из-за его спины Младший.

И механизм запустился.

Они не пытались атаковать первыми — для этого у них не хватало массы. Они превратились в единую, идеально отлаженную турель, поглощающую чужие удары. Когда пряжка со свистом полетела в голову Мьюита, он ушел в глухой блок, принимая скользкий удар на предплечье. В этот же момент Вальтер заблокировал подсечку сзади.

Они двигались абсолютно синхронно, перетекая по узкому коридору. Там, где у Старшего зияла слепая зона, работали внимательные глаза Младшего. Если Вальтеру не хватало физической мощи сдержать прямой выпад, он громко командовал: «Разворот!», и Мьюит рез-

ким разворотом корпуса принимал массу нападающего на свое плечо, сбрасывая чужую инерцию в пустоту.

Старшаки, привыкшие ломать одиночек, стремительно теряли кислород. Они лезли буром, но из-за узости пространства не могли действовать одновременно, потому что мешали сами себе. Они методично молотили кулаками по этой живой, вращающейся сцепке, но никак не могли попасть прямо в цель. Все удары, хоть и попадали по тёзкам, были скользкими и особого вреда не причиняли.

Спустя несколько минут бешеных атак дыхание нападающих окончательно сбилось. Заводила, зло сплюнув на бетонный пол, оперся о трубу теплоцентрали. Грудь его часто вздымалась.

— Психи, — выдохнул он, массируя ушибленную кисть. — Чертовы психи. Ладно — живите.

Они развернулись и, тяжело дыша, более не говоря ни слова, скрылись за поворотом коридора. Это было не трусливое бегство, а безоговорочное признание их права на существование.

В сыром коридоре повисла тишина, прерываемая лишь гудением труб. Мьюит опустил руки. Адреналин медленно отступал, оставляя после себя ноющую ссадину на предплечье и легкую дрожь в коленях. Но внутри, под серой казенной курткой, разливалось горячее, совершенно незнакомое чувство.

Он обернулся к Вальтеру. У того была рассечена бровь, а воротник разорван, обнажая тайную бечевку науза. Но на бледном, перепачканном лице сияла широкая, абсолютно счастливая улыбка.

— Сектор сто восемьдесят... чист, — радостно выдохнул Младший, утирая пот со лба.

— Подтверждаю, — Старший тоже не смог сдержать ответной улыбки.

Система не сломалась, но это стала их первая, хоть маленькая, но значимая победа. После этого случая Старшего и Младшего никто не посмел задирать. Шах и мат.

Перед началом лекции, пока кадеты рассаживались по местам и в аудитории стоял привычный гул, Старший от скуки смотрел в огромное окно, выходящее на внутренний двор корпуса, и мечтал о том, что когда-нибудь придёт время, и он вместе с Младшим выпорхнет за КПП этих ворот.

Вдруг за воротами он увидел, как к КПП плавно подъехал черный служебный глайдер. Из него вышел молодой офицер в красивом чёрном мундире с безупречной выправкой. В этот самый момент мимо ворот тяжело ковылял комиссованный раненый солдат на костылях. Внезапно солдат споткнулся, один костыль выскользнул из-под руки ветерана, и тот начал заваливаться навзничь. Молодой офицер оказался рядом молниеносно. Он уверенно и бережно подхватил падающего, не дав ему удариться. Поднял упавший костыль, а затем проводил раненого к подошедшему санитарному транспорту. Офицер помог ветерану сесть и даже сам поднес и закинул следом его тяжелый, грязный военный баул. Дэн невольно проникся к незнакомцу глубоким уважением. «Я тоже когда-нибудь стану таким», — подумал Старший, возвращаясь на свое место рядом с Младшим.

В этот момент разговоры в аудитории стихли. В залитое стерильно-белым светом помещение медленным, тяжело шаркающим шагом вошел Легендарный Конструктор — седой, сутулый старик, создавший лучшие боевые системы флота Конфедерации. Но сегодня он пришел не один.

Следом за ним в аудиторию не вошёл, а, будто крейсер в доковую камеру, поражая своей мощью и неустрашимостью, вплыл тот самый молодой офицер со двора. На его лацканах тускло блестели знаки отличия капитана, а на идеально сидящем черном мундире позвякивала медаль за боевые заслуги и медаль за отвагу.

Лицо офицера было бледным, с резкими, аристократическими скулами, а во взгляде читалась такая абсолютная, ледяная правильность, что Дэну на мгновение показалось, что это не человек, а ястреб, высматривающий добычу, готовый нанести смертоносный удар. У Дэна мурашки побежали по спине, захотелось съёжиться и уползти куда-нибудь, лишь бы не попадаться ему на глаза. Как этот ледяной хищник мог быть тем самым заботливым человеком со двора?

— Кадеты, — скрипучим, старческим голосом произнес Конструктор, тяжело опираясь руками о кафедру. — Сегодня у нас особый гость. Мой лучший бывший ученик, герой Конфедерации, чьи тактические решения уже вошли в учебники Академии. Командор Рэйвен.

— Простите, учитель, я не командор — капитан! — ровно, без тени эмоций поправил его Рэйвен.

— Ничего, ничего, мой мальчик, очень скоро ты станешь командором! Я в этом нисколько не сомневаюсь. Твой напор и решимость тебе в этом подмога! Я ещё когда ты был кадетом, пророчил тебе великое будущее, и не ошибся! — Конструктор с улыбкой покачал перед его лицом указательным пальцем. — Итак, продолжим!

По рядам пронёсся восторженный шепот. Мальчишки смотрели на живую легенду во все глаза, буквально млея от счастья.

Рэйвен встал у голографического проектора. Его голос был ровным, лишенным любых эмоциональных обертонов.

— Вы здесь для того, чтобы стать щитом человечества, — холодно начал капитан, обводя аудиторию взглядом. — Но чтобы защищать систему, вы должны понимать, почему она существует. Вспомните эпоху до Конфедерации. Десятки разрозненных, независимых галактических государств, погрязших в слабости и спорах. И вспомните, к чему это привело, когда Пиратское братство из Крабовидной туманности набрало свою чудовищную мощь.

Над столом вспыхнула голограмма горящих планет и уничтоженных орбитальных станций.

— Они вырезали сектора один за другим, превращая свободные миры в рабские колонии. Человечество стояло на краю полного уничтожения. Только объединение всех независимых государств в жесткую структуру Конфедерации позволило дать им отпор. Мы выжили только благодаря тому, что заменили хаос — порядком. Запомните: только строжайший контроль, отсечение слабых звеньев и беспрекословное выполнение приказов могут привести объединенное человечество к процветанию.

Рэйвен плавно провел рукой, меняя голограмму над столом.

— Идеальный механизм Конфедерации — это тот, который способен чёткими действиями уничтожить врага! Эту медаль, — капитан безэмоционально указал на одну из наград на своей груди, — я получил за четкое выполнение приказов командующего. Мой крейсер...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.